

УДК 94:[57+63](47+57)

doi 10.17072/2219-3111-2021-1-181-192

Ссылка для цитирования: Рычков А. В. «К Вам одному я и обращаюсь со своей болью»: борьба в биологической и сельскохозяйственной науке в СССР в письмах ученых к советским лидерам в 1950-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1(52). С. 181–192.

«К ВАМ ОДНОМУ Я И ОБРАЩАЮСЬ СО СВОЕЙ БОЛЬЮ»: БОРЬБА В БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКЕ В СССР В ПИСЬМАХ УЧЕНЫХ К СОВЕТСКИМ ЛИДЕРАМ В 1950-Е ГОДЫ

А. В. Рычков

Омский государственный технический университет, 644050, Омск, пр. Мира, 11

alex-rychkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0754-5105

ResearcherID: P-1141-2017

Scopus Author: 57195673648

Рассматривается борьба в биологической и сельскохозяйственной науке в СССР через призму писем ученых к советским лидерам в 1950-е гг. «Письма во власть» ученых являлись одной из важных форм борьбы научной общественности за нормализацию положения в аграрно-научной сфере в условиях тотального партийно-государственного контроля. Признавая науку важнейшим элементом международного престижа СССР, ученые-сторонники классической генетики считали необходимым избавление биологической и сельскохозяйственной науки от внешних «властных» воздействий. Причем одни полагали возможным использование против своих научных оппонентов партийно-государственных структур, не исключая правоохранительных органов. Другие считали, что недостатки организации советской науки могли быть искоренены только самими учеными при условии широкого привлечения научной общественности к выявлению важнейших научных направлений путем проведения свободных дискуссий. При всех разногласиях обращения ученых к советским лидерам способствовали изменению общественных настроений в пользу генетики. Напротив, своими «письмами во власть» сторонники Т.Д. Лысенко преследовали цель сохранения их доминирующего положения в науке. Переводя научные проблемы в политическую плоскость, они призывали советских лидеров к разрешению накопившихся в аграрно-научной сфере противоречий методами партийно-государственного воздействия. Неприятие научными оппонентами аргументации друг друга не позволяло снизить остроту противостояния в биологической и сельскохозяйственной науке и не способствовало научному поиску. Обращение генетиков к авторитету мировой науки в условиях холодной войны еще более усугубило ситуацию в научной среде, поскольку в противоположном лагере данное явление оценивалось как идеологическая диверсия. Инерция подобных традиций научного общения сохранялась долгое время.

Ключевые слова: советские лидеры, «письма во власть», биологическая наука, аграрная наука, лысенковщина, сельское хозяйство, бюрократизация, СССР.

Сложившаяся в Советском Союзе в предвоенные годы система жестко централизованного управления страной была спроецирована и на научную сферу. В большей степени администрирование затронуло биологическую и сельскохозяйственную науку. Академики ВАСХНИЛ назначались решением правительства, для проведения научных дискуссий по актуальным проблемам аграрной науки и практики необходима была санкция «сверху», логическим завершением указанных процессов стало вмешательство руководящих партийных структур в сферу научного знания. По свидетельству историков науки, «контроль партии над научными институтами был почти абсолютным» [Грэхэм, 1991, с. 22]. В 1930-х гг. в советской биологической и сельскохозяйственной науке сложились два направления, между которыми развернулась острая борьба. Группа ученых во главе с академиком Н.И. Вавиловым ориентировалась на использование в селекционной работе достижений отечественной и мировой генетики. «Мы можем уступить нашим соседям временно в общем уровне нашего благосостояния, нашего обихода

жизни; единственно, в чём мы не можем им уступить – это в вооружении нашего интеллекта», – считал Н. И. Вавилов (Вавилов, 1990, с. 89). В то же время уровень развития генетических исследований, а также непростой и противоречивый процесс соединения генетики с селекцией не позволяли Н.И. Вавилову и его коллегам в те годы оказывать какое-либо серьезное влияние на разрешение практических проблем сельскохозяйственного производства. Представители другого направления во главе с академиком Т.Д. Лысенко отрицали достижения классической генетики и ориентировались на признание решающей роли внешней среды в формировании наследственности сельскохозяйственных культур и пород животных, критиковали своих оппонентов за отрыв от сельскохозяйственной практики, обещая в свою очередь этот отрыв ликвидировать. Использование достижений мировой науки своими оппонентами они квалифицировали как антипатриотизм и «преклонение перед Западом». В 1948 г. партийно-государственное руководство страны открыто встало на сторону группы академика Т.Д. Лысенко.

Долгое время история противоборства в биологической и сельскохозяйственной науке рассматривалась исходя из концепции тоталитаризма. К примеру, в исследовании В.Н. Сойфера, которое признается специалистами «фундаментальным» [Сизов, 2001, с. 167], «кровавая колесница социализма» противопоставлялась «здоровой свободной (капиталистической) системе», и возвышение академика Т.Д. Лысенко рассматривалось как явление, имманентно присущее социализму [Сойфер, 2002, с. 629]. Однако существование сторонников Т.Д. Лысенко в таких странах, как Бельгия, Великобритания, ФРГ, Голландия, Италия, Франция, Япония, США, не укладывалось в традиционные «тоталитаристские» рамки, хотя до распада СССР данное явление можно было объяснить как «рука Москвы» [Сойфер, 2002, с. 519]. В ряде современных работ лысенкоизм воспринимается как «особое социально-политическое явление, которое носит не сугубо советский, а всемирный характер», поэтому исследователи стали сосредоточивать внимание на изучении его «социально-культурного контекста» [Конашев, 2019, с. 638]. Данный подход представляется весьма продуктивным, позволяющим отказаться от жестких «тоталитарных» схем, упрощающих реальный исторический процесс, подменяющих помыслы и действия реальных людей политическими штампами.

К числу исторических документов, отражающих дух и нерв эпохи, ее «социально-культурный контекст», систему общественных ценностей и ориентиров, относятся источники личного происхождения. В необычной ситуации, когда разрешение собственно научных проблем зависело от позиции первых лиц в партии и государстве, ученые, прежде всего научные оппоненты Т.Д. Лысенко, отстаивая свои научные убеждения, нередко обращались к советским лидерам с письмами.

Иногда обращения к руководителям партии и страны носили коллективный характер, как, например, известное «письмо трехсот», написанное в октябре 1955 г. и опубликованное позднее, в перестроечное время, в «Правде» (В президиум..., 1989, 13 янв.). Чаще же писали лично. Именно личные обращения требовали большего гражданского мужества, поскольку существовала вероятность административного преследования со стороны власти. Один из ученых-биологов так описал свой опыт общения с высшей бюрократией в письме к Н.С. Хрущеву: «Письмо, посланное мной, было передано в аппарат ... и меня вызвала какая-то вполне полицейского типа партийная дежурница, поставившая сразу вопрос – собираюсь ли я каяться? Других мотивов обращения к начальству она, видимо, не представляет. Когда я ответил отрицательно, то она совершенно явно дала мне понять, что я буду иметь дело "с другим органом". И действительно, через несколько дней в Союзную геолого-поисковую контору, где я тогда работал, явился чин из министерства Берия, унесший мое личное дело. За тем последовало мое увольнение...» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 255–256).

В данной статье речь пойдет прежде всего об ученых, направлявших личные послания руководителям партии и государства. Для истории важно назвать имена подвижников науки, отстаивающих свои научные взгляды в непростых условиях. Для нас, современников, это непреходящий нравственный урок. «Мы, каждый в своей жизни, с неизбежностью оказываемся перед проблемами нравственного выбора, и чужой опыт тут может быть полезен», – писал известный отечественный ученый С.Э. Шноль [Шноль, 1997, с. 5]. Это тем более важно, что многие ученые, покаявшись в своих прошлых «генетических» грехах, стали следовать провозглашенным в августе 1948 г. партийным установкам. Другие, хотя и продолжали исследования в

соответствии с прежней системой научных взглядов, внешне соглашались с проводимой научной политикой. Такой алгоритм поведения даже был оценен в историографии как «более эффективный» [Сизов, 2001, с. 191].

Любопытно, что к лидерам СССР обращались и представители «победившего» в 1948 г. лысенковского направления. Этим писем было немного, ведь власть и без того оказывала покровительство группе Т.Д. Лысенко. Однако активность научных оппонентов требовала соответствующей реакции.

Целью данной статьи является анализ содержания писем ученых, биологов и аграрников, к советским лидерам. В «письмах во власть» нашли отражение взаимные претензии и характеристики ученых. В качестве доказательства своей правоты ученые обращались к опыту мировой науки, предлагали свои рецепты нормализации ситуации в биологической и сельскохозяйственной науке. Поэтому задачами исследования ставятся рассмотрение особенностей коммуникативной культуры в аграрно-научной среде, определение влияния внешнеполитических факторов на положение в науке, а также взглядов ученых на пути дальнейшего развития науки в стране.

Кроме того, обращение к «письмам во власть» позволит добавить новые штрихи к научным и человеческим портретам участников научных баталий, ведь именно в письмах отражается «неповторимый взгляд» автора на ту или иную проблему [Русина, 2015, с. 175]. Следует согласиться с Э.И. Колчинским, считающим, что «реальный ход отечественной истории может быть реконструирован лишь на базе огромного архивного и литературного материала, дополненного ресурсами коллективной памяти научного сообщества о событиях, нигде не зафиксированных, но оказавших огромное влияние на судьбы отдельных отраслей знаний, а также о действовавших в прошлом чиновниках и ученых, о их поведении и взглядах» [Колчинский, 2006, с. 47]. С.А. Козлов также полагает, что «без внимательного изучения жизни и деятельности отдельных ученых-аграрников невозможно реконструировать картину эволюции и отечественной аграрной науки, и сельского хозяйства как такового, и его отдельных отраслей» [Козлов, 2019, с. 5].

«Письма во власть» ученых получили широкое распространение в 1950-е гг. Это было связано с тем, что, поскольку генетика была предана ostrakizmu в 1948 г. многие биологи были ограничены в возможности заниматься любимым делом. После смерти И.В. Сталина некоторая либерализация общественной жизни породила у ученых надежды на возможность перемен в научной политике государства.

Важно подчеркнуть, что только некоторые из поступивших к советским лидерам в 1950-е гг. писем были позднее опубликованы и стали достоянием научной общественности (Любищев, 1991, с. 54–57; Капица, 1989, с. 189–192). Фрагменты «писем во власть» встречаются в воспоминаниях ученых (Дубинин, 1992, с. 269–270, 306–307). Большая же их часть до сих пор не введена в научный оборот. Информация о письмах ученых к советским лидерам по проблемам биологической и сельскохозяйственной науки приводится в исследовательской литературе лишь в предельно общем виде: «Ученые-биологи и раньше обращались с письмами в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, лично к председателю Совмина СССР Г.М. Маленкову и даже в Генеральную прокуратуру СССР. В них авторы писали об огромном вреде, который принесла нашей стране деятельность Т.Д. Лысенко и его приспешников» [Жимулев, Дубинина, 2005, с. 13]. Подобная информация требует конкретизации, уточнения и дополнения.

Конечно, источники личного происхождения относятся к наиболее субъективным историческим документам. Поэтому информация, содержащаяся в них, корректировалась с учетом других источников. В то же время субъективизм документов позволяет глубже понять атмосферу, сложившуюся в аграрно-научной среде в 1950-е гг.

Представленная статья основана главным образом на архивных материалах: «письма во власть», поступившие от ученых, отложились в фондах аппарата ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (фонд 17) и Российского государственного архива новейшей истории (фонд 5).

Первые письма были направлены учеными И.В. Сталину в 1952 г. И это было неслучайно. В августе 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ сторонники Т.Д. Лысенко обещали в кратчайшие сроки изменить облик советского сельского хозяйства, используя теорию своего лидера о

направленном «перевоспитании» растений условиями внешней среды, «которая поднимает человека на невиданную до сих пор высоту, превращает его в действительного хозяина и повелителя природы» (О положении..., 1948, с. 213). Поскольку продекларированные перемены не наступили, ученые-генетики считали своим долгом ознакомить руководителей партии и государства с осложнениями, грозящими сельскохозяйственному производству в случае сохранения монопольного положения группы Т.Д. Лысенко.

Острой и развернутой критике Лысенко был подвергнут биологом Н.Л. Тимофеевой-Сахаровой в письме И.В. Сталину в феврале 1952 г. Главная причина обращения к нему – плачевное, по мысли автора, состояние биологической науки. «Мое письмо необыкновенно длинное. Оно выстраданное. Являясь членом огромнейшей семьи научных работников Союза ССР, я не могу больше молчать о том, что происходит в стране, в мире биологической науки, в мире ученых. С каждым днем положение ухудшается, словно замыкается в какое-то кольцо. Лысенко дискредитирует советскую науку, ее высокий теоретический уровень и всех нас. Только Вы, Иосиф Виссарионович, все можете глубоко понять и изменить в нужном направлении, к Вам одному я и обращаюсь со своей болью», – пишет Н.Л. Тимофеева-Сахарова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д.451. Л. 39). Лысенко характеризуется в письме как ученый, рассуждения которого «безграмотны» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 45. Л.15), который «не поднимает, а снижает теоретический уровень знания у человека, потому что у него нет больших знаний и глубокого понимания» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 451. Л. 39). Теоретические построения Лысенко Н.Л. Тимофеева-Сахарова рассматривает как возвращение к «древней схоластике»: «Лысенко живет чужими трудами и обманом. Извлекает старые отжившие века, истлевшие метафорические и метафизические теории и из них переделывает "новые" и крепко пришивает к нашей эпохе, как абсолютную истину...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 451. Л. 39). Автор данного письма к тому же обвиняет Лысенко в научной недобросовестности и человеческой непорядочности: «Лысенко пишет не то, что делает», он «давно перешел границы гражданина-человека и утонченно обманывает всех» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 451. Л.9). Как руководитель и организатор сельскохозяйственной науки Лысенко был назван в письме «Аракчеевым» нашего времени, а созданная им система «аракчеевщины» сравнивается автором с «бурным, неудержимым, огромной силы наводнением», которое, ломая, сметает все на своем пути (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 451. Л.8). Остановливаясь на организационных аспектах аграрной науки, Н.Л. Тимофеева-Сахарова пишет советскому лидеру о том, что «никогда, нигде, ни один в мире ученый не пользовался такими правами и средствами в государстве, как Лысенко, с привлечением для осуществления своих замыслов людей разных степеней и званий от министров, академиков, профессоров, научных работников до маленьких работников с огромной экспериментальной базой на территории всего Союза» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 451. Л. 39).

Любопытно, что в том же 1952 г. с письмом к Сталину о неудовлетворительной ситуации в подчиненных ВАСХНИЛ (Т.Д.Лысенко являлся тогда ее президентом) сельскохозяйственных научных учреждениях Украины обратились секретарь ЦК КПУ(б) Л.Мельников и председатель Совета министров республики Д.Коротченко. Они сообщали о том, что «эти учреждения живут старым, главным образом, довоенным научным багажом и в настоящее время они слабо отвечают на новые повышенные требования, предъявляемые к ним жизнью, сельскохозяйственной наукой и тем более сельскохозяйственной практикой. Они топчутся на месте, не развернули научно-исследовательской работы в таких масштабах, как это требуется сегодня, и не всегда их работа плодотворна» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.138. Д.446. Л. 9). В адрес Лысенко как президента ВАСХНИЛ прозвучало обвинение в том, что он «мало проявляет интереса к исследованию вопросов, если они не являются его инициативой» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 446. Л. 11).

На рубеже 1940-х и 1950-х гг. в СССР приступили к реализации «сталинского плана преобразования природы», предусматривающего создание крупных лесных государственных полос в степных и лесостепных районах СССР. Рекомендации Т.Д. Лысенко в области лесонасаждения были подвергнуты критике рядом ученых. Об этом в 1952 г. писали в высшие партийные органы академик В.Н. Сукачев и научные сотрудники Н.Д. Иванов и П. Н. Голиневич. В их письмах критиковались взгляды Т.Д. Лысенко на роль внутривидовой борьбы в развитии живых организмов, а также были указаны другие серьезные недостатки в его научной деятель-

ности. В частности, подчеркивалась недопустимость переноса законов природы на человеческое общество, указывалось на его нетерпимость к альтернативным точкам зрения в науке, когда «всякий иной, отличный от акад. Лысенко подход к решению проблемы ... возбраняется» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 233. Л. 120,123).

Судя по воспоминаниям Ю.А. Жданова (сын А.А. Жданова и зять И.В. Сталина), который на рубеже 1940-х и 1950-х гг. являлся сотрудником аппарата ЦК партии, «письма во власть» возымели действие: летом 1952 г. И.В. Сталин поручил Г.М. Маленкову ликвидировать монополию Т.Д. Лысенко в биологической науке, создать коллегиальный президиум ВАСХНИЛ, ввести в состав президиума противников Лысенко, организовать комиссию ЦК по подготовке предложений об изменении ситуации в аграрной науке [Жданов, 2004, с. 260]. Комиссия была создана, но поскольку в нее был включен Т.Д. Лысенко вместе со своими сторонниками, деятельность комиссии оказалась безрезультатной. Все ограничилось подготовкой проекта постановления ЦК партии о работе ВАСХНИЛ, в котором в обтекаемой форме ставилась задача «ликвидации отставания в сельскохозяйственной науке от запросов производства и усиления научных исследований по всем отраслям сельскохозяйственной науки» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.138. Д.446. Л.5).

Смерть И.В. Сталина и приход новых руководителей породил у ученых надежды на изменение ситуации в биологии и сельскохозяйственной науке. Поэтому ученые-оппоненты Т.Д. Лысенко, верящие «в конечное торжество разума» и убежденные «в искренности партийного руководства» (Любищев, 1991, с. 57), посчитали необходимым донести до партийно-советского руководства страны реальную, с их точки зрения, информацию о положении дел в отраслях науки, связанных с аграрной отраслью. Наибольшая «эпистолярная» активность приходится на 1953–1955 гг. Письма ученых направлялись первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову, его первому заместителю В.М. Молотову, председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову. Однако функционеры отвечать ученым не спешили. «Последние годы мною на Ваше имя в ЦК КПСС было послано около 10 писем, в которых затрагивались вопросы о современном положении в биологической и в сельскохозяйственной науке... По-видимому мои письма не были Вам доложены», – писал один из авторов Н.С. Хрущеву (РГАНИ. Ф.5. Оп. 17. Д. 516. Л. 8). Поэтому когда ответа не следовало от одного, обращались к другому советскому руководителю. Бывало даже и такое: когда отмалчивался *товарищ* первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, повторное обращение следовало к *гражданину* Н.С. Хрущеву как депутату Верховного Совета СССР.

Авторами «писем во власть» были известные ученые, в большинстве своем биологи-генетики, академики и члены-корреспонденты АН СССР, доктора и кандидаты наук П.Л. Капица, Н.П. Дубинин, И.А. Рапопорт, А.А. Любищев, А.М. Эмме, А.Р. Жебрак, А.Л. Тохтаджян и др. Они, как правило, являлись не только признанными специалистами в своей отрасли науки, но и мастерами эпистолярного жанра, и эмоционально и в образной форме доносили до партийно-государственных лидеров информацию о сложившейся в аграрной науке ситуации. Как и прежде, написание писем мотивировалось авторами ненормальной ситуацией в науке. Вот как, например, объяснил причину своего обращения к советским лидерам А.А. Любищев: «Работа писалась с большой затратой нервной энергии: хотя стиль ее резок, но написана она не желчью личных обид, но кровью старого, но еще не остывшего сердца, не могущего выносить то несчастье и позор, которые принесли и продолжают приносить Лысенко, его приспешники и подпевалы моей родине и моей науке» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д.464 . Л. 9). О том, что «обстановка искусственного торможения ряда перспективных мощных методов современного исследования и их приложения к практике наносит огромный ущерб науке, культуре, производству и престижу советского государства», писал в Кремль Н.П. Дубинин (РГАНИ. Ф.5. Оп. 17. Д. 516. Л. 7). В письме в редакцию «Литературной газеты», одновременно адресованному и Г.М. Маленкову, И.А. Рапопорт так описывал ситуацию в сельскохозяйственной науке: «Вместо культуры проповедают невежество и ханженство, вместо патриотизма – притворство, вместо стимула научной инициативы смертельно глушат запатентованной Вами эквивалентной смесью запугивания и демагогии, концентрированной до крепости царской водки, вместо творчества

несут преследование, судебное и несудебное, гражданские казни или, что не лучше, гражданские смерти выдающихся ученых» (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 418. Л. 249).

Как и ранее, в письмах содержатся резкие оценки Т.Д. Лысенко как ученого. В частности, о «диком невежестве и тщеславии Лысенко» писал А.М. Эмме (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 515. Л. 73), об установившемся в биологии «режиме фанатизма, нетерпимости к критике культа невежества и научной безграмотности» сообщал руководителям партии и государства А.Л. Тахтаджян (РГАНИ. Ф. 5. Оп.45. Д. 33. Л. 103).

В «эпоху Н.С. Хрущева» критика Т.Д. Лысенко стала носить менее эмоционально-личностный, но более научно аргументированный характер. Меньше внимания стало уделяться личным недостаткам Т.Д. Лысенко, больше – разбору и анализу системы его научной деятельности, оценке его конкретных рекомендаций. Поэтому нередко к «письмам во власть» прилагались обширные многостраничные «разборы полетов». Например, письмо А.М. Эмме председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову (июль 1953 г.) было сопровождено «Докладом о положении в некоторых разделах биологической науки» объемом в 114 страниц (РГАНИ. Ф.5. Оп. 17. Д. 419). К письмам профессора А.А. Любищева Н.С. Хрущеву прилагалось объемное исследование результатов деятельности Лысенко «О монополии Т.Д. Лысенко в биологии» (РГАНИ. Ф.5. Оп. 17. Д. 464). Среди многих обращений Н.П. Дубинина в Кремль можно отметить июньское письмо 1955 г. с подробным изложением практических результатов деятельности Лысенко (РГАНИ. Ф.5. Оп. 17. Д. 516. Л.11–44). Письмо И.А. Рапопорта в Президиум ЦК КПСС (сентябрь 1954 г.) было сопровождено обстоятельным анализом «К причинам и результатам ликвидации генетики (как естественной науки) в СССР» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 34. Л.79–119).

В письмах 1953–1955 гг. все большее внимание уделяется организационно-научным аспектам, приведшим к монополии Лысенко. По мысли ученых, ВАСХНИЛ после отмены свободных выборов и назначения новых академиков в 1948 г. как мощная научная организация прекратила свое существование, превратившись в некую «вотчину Лысенко» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 515. Л. 77–78). Как считали авторы писем, возникновение особой ситуации в генетике как политической проблемы произошло «при прямом участии (точнее, санкции) Центрального Комитета» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 256). Обозначив ответственность высшего руководства страны, ученые указали также на гражданскую ответственность своих коллег: «Понятие свободы мнений в науке исключает экспериментальную распушенность и фальсификацию истины, независимо от точек зрения на конкретные вопросы, которых придерживается тот или иной государственный деятель» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 515. Л. 71–72). Авторы обращений связывали отставание сельского хозяйства «с отставанием теории и организации сельскохозяйственной науки» (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д.515. Л. 77).

Ученые – сторонники классических методов генетических исследований были едины в неприятии сложившейся в биологической и сельскохозяйственной науке ситуации. Однако мнения о путях нормализации обстановки расходились. Одни считали необходимым активное вмешательство партийно-государственных структур, не исключая использования правоохранительных органов. А.М. Эмме, например, предлагал создать для разрешения возникшей ситуации в науке экспертно-следственную комиссию. По его мнению, в комиссию нужно привлечь наших соотечественников и всемирно известных ученых академиков А.И. Берга, М.А. Лаврентьева, И.Е. Тамма, И.Л. Кнунянца, А.Н. Колмогорова, С.Л. Соболева, В.С. Немчинова, М.В. Келдыша, а также работников госбезопасности и прокуратуры. В течение нескольких месяцев, как полагал он, могли быть получены исчерпывающие материалы, необходимые для объяснения обмана и вредительства (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 515. Л. 84–85). О нетерпимости положения, когда лица, в отношении которых было доказано «нанесение большого ущерба своей деятельностью государству, остаются не только безнаказанными в уголовном порядке..., но и сохраняют свои бесчестно полученные степени и высокие посты», писал А.А. Любищев, признавая необходимость вмешательства правоохранительных органов («здесь уже пора заговорить прокурору») (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 464. Л. 6).

Забегая вперед, отметим, что комиссия без участия правоохранительных органов в начале 1955 г. все-таки была создана. Однако состав комиссии оказался иной. В нее в большинстве своем вошли люди, не чуждые науке, но известные прежде всего своим положением в бюро-

кратической иерархии: союзные министры сельского хозяйства и высшего образования И.А. Бенедиктов и В.П. Елютин, заведующий Отделом науки и культуры А.М. Румянцев и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС Ф.С. Крестьянинов. Хотя в комиссии оказался и «горячо желающий помочь генетике» президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов (*Дубинин*, 1989, с.336), ее решения «по устранению серьезных недостатков в биологической и сельскохозяйственной науке» имели сугубо декларативный характер (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 464. Л. 27).

Принципиальным противником разрешения научных проблем «сверху», посредством «декретирования», был П.Л. Капица. Свои мысли он изложил в письме Н.С. Хрущеву в декабре 1955 г. Ученый считал, что «хорошо всем известные недостатки организации нашей науки могут быть искоренены только самими учеными». И это возможно при условии широкого привлечения научной общественности к выявлению важнейших научных направлений путем проведения свободных творческих дискуссий по наиболее острым и спорным вопросам науки (*Капица*, 1989, с. 189–192). На взгляд выдающегося деятеля науки, «наша научная общественность слабо организована, общественное мнение ученых учитывается недостаточно» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 16. Л.34–35).

В «письмах во власть» были затронуты и международные аспекты научной деятельности. В частности, академик П.Л. Капица утверждал, что преимущества одного социального строя перед другим определяются двумя показателями – производительностью труда и уровнем науки, причем «производительность труда – это дело домашнее, но уровень науки это еще и дело нашего международного влияния» (*Капица*, 1989, с. 189). И.А. Рапопорт в обращении к Г.М. Маленкову также указывал на международный резонанс от господства лысенковщины в СССР: «Однако враждебная печать получила ... "Carteblanche" для убеждения крестьян и агрономов, что они не увидят добра от установления у себя такой официальной науки, которая глумится над человеческим трудом и творчеством. И я признаюсь ..., что тамошние крестьяне получают от своих ученых хорошие сорта и агрометоды, которые у нас теперь стали невозможны» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 252). Профессор А.Р. Жебрак доводил до сведения Г.М. Маленкова информацию о том, что в США напечатана большая книга о науке в СССР, на которую в одном провинциальном журнале появилась рецензия, свидетельствующая о том, что «американцы учитывают влияние лысенкоизма на военный и экономический потенциал СССР и радуются тому, что благодаря его разрушительному влиянию на наше сельское хозяйство военный и экономический потенциал уменьшается» (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 463. Л. 49).

Деятельность ученых-генетиков привела к тому, что в 1956–1964 гг. «фронт всего естествознания у нас повернулся к генетике» (*Дубинин*, 1989, с. 374). При этом биологическая наука стала больше интересоваться «живой» практикой на основе исследования методов управления наследственностью животных, растений и микроорганизмов. Так, при создании Сибирского отделения Академии наук в его структуре был организован Институт цитологии и генетики. Его первым директором стал Н.П.Дубинин, который в выступлении на общем собрании СО АН СССР в 1958 г. с освещением основных направлений работы института выделил как одно из главных – «на бескрайних просторах Сибири применить экспериментальные и производственные методы, разработанные в современных условиях по генетике и цитологии, чтобы открыть новые пути для практики» (Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13. Л. 18). Для успокоения общественного мнения власть вынуждена была осуществить ряд кадровых перемещений в ВАСХНИЛ.

Эпистолярная активность сторонников развития классической генетики, изменение общественных настроений в пользу этой науки вызывали направление «писем во власть» их оппонентами. Поводами для обращений служили события в научной жизни, угрожавшие доминирующему положению лысенковцев.

Первым было письмо академика ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко, одного из известных последователей Т.Д. Лысенко, советскому лидеру Н.С. Хрущеву. Причиной для письма И.Е. Глущенко стало то, что сторонники Лысенко были забаллотированы на выборах в АН СССР в октябре 1953г. В отличие от своих оппонентов, доказывающих высокому начальству научную несостоятельность Лысенко и его группы, соратник Т.Д. Лысенко сосредоточил внимание не на научных, а на политических вопросах.

Автор письма неоднократно останавливался на своем «демократическом» происхождении и политических взглядах: «Кто я такой? Мои родители крестьяне, бедняки – в прошлом, колхозники – в настоящем. Отец партизан, боровшийся с немцами во время первой оккупации ими Украины; член партии. Я с юных лет был селькором, комсомолил и учился, учился и комсомолил» (РГАНИ. Ф. 5. Оп.17. Д. 418. Л. 220). По мысли И.Е. Глущенко, именно социальное происхождение является важной характеристикой ученого: «Да, мы не из помещиков, не из купцов, не из духовного звания. Мы от земли! Да, мы не воспитанники Филипченков, Кольцовых, Меллеров. Мы воспитанники великой партии Ленина–Сталина!» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 240). Борьба в биологии и сельскохозяйственной науке в СССР переводилась Глущенко в плоскость борьбы между капитализмом и социализмом. «Некоторые советские ученые по-видимому забыли, что идеологическая борьба – самая тонкая и самая острая форма классовой борьбы. Борьба со всяческими открытыми и замаскированными проявлениями и рецидивами буржуазной идеологии – одна из самых насущных наших задач. Вот почему партия требует от всех научных работников глубокой партийности, подлинной большевистской воинственности и идейности», – писал он (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 241).

Внешний фактор в письме И.Е. Глущенко присутствует исключительно как арена идеологического противоборства: «Если реакционная генетика и будет еще влачить жалкое существование, то только потому, что она нужна не практике, не науке, а агрессорам, готовящим новую мировую войну. Она целиком на вооружении империализма» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 226). И если оппоненты выражали обеспокоенность падением авторитета отечественной науки в связи с монополией Т.Д. Лысенко, то Глущенко характеризовал Т.Д. Лысенко как ученого мирового масштаба: «За тридцать лет своей научной деятельности этот человек в биологической науке сделал не меньший переворот, чем переворот, совершенный в свое время Дарвином (хотя последний ни одного сорта растений, или породы животных не создал)» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 226).

Письмо И.Е. Глущенко является дополнительным свидетельством того, что монопольное положение в науке группы Т.Д. Лысенко явилось результатом политического воздействия. «Для меня, как и для любого марксиста абсолютно ясно, что сам по себе Лысенко ничего не сделал бы, если бы не наша советская действительность, если бы не помощь нашей коммунистической партии. Мировоззрение нашей партии – это душа Лысенко. Он видит в нем основу, исходные позиции для своего мышления и творчества», – писал И.Е. Глущенко (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д.418. Л. 226). Главная цель данного письма Н.С. Хрущеву – призыв к административному подавлению инакомыслия в биологии, поскольку положение в биологии «требует не дискуссии, а разоблачения» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д.418. Л. 224), поскольку «биологическая наука это удел не частных лиц, а дело первостепенной государственной важности» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д.418. Л. 242). Но если «разоблачению» и вмешательству прокуратуры, согласно предложениям научных оппонентов Лысенко, должна была предшествовать научная экспертиза ученых с мировым именем, то «разоблачение» И.Е. Глущенко представляется как безусловная «карательная» мера.

Чем большей критике подвергались Т.Д. Лысенко и его сторонники, тем более частыми становились их обращения «наверх». В мае 1956 г. решением бюро Биологического отделения АН СССР из состава редакции журнала «Известия АН СССР (серия биологическая)» были выведены сторонники Т.Д. Лысенко. С просьбой отменить данное решение сам Т.Д. Лысенко написал секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову, курировавшему вопросы идеологии (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 33. Л. 1). С аналогичной просьбой обратился в ЦК КПСС И.Е. Глущенко в декабре 1956 г. Им, как и в письме 1953 г., проблема переводится в идеологическую плоскость: «Нельзя поощрять безответственность, которая дает возможность людям, далеким от понимания идеологических задач науки, вершить ее судьбы» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 33. Л. 100). В письме содержится призыв к партийным лидерам не ослаблять «руководство сверху» наукой (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 33. Л. 100).

В мае 1957 г. последовало обращение на имя секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, написанное по поручению парткома Института генетики АН СССР, директором которого был в то время Т.Д. Лысенко, группой сотрудников. «Партийные товарищи» из Института генетики были обеспокоены усиливающейся критикой своего руководителя. В письме повторяется исполь-

зованный предшественниками прием, когда чисто научные вопросы приобретают политическое звучание: «Биологическая наука была и остается ареной острой идеологической борьбы. Но, вероятно, борьба никогда не достигала такого напряжения как сейчас – в период широкого идеологического наступления реакционных сил империализма на социалистический строй. В этой борьбе враги социализма используют все: дезинформацию, клевету, нашу критику собственных недостатков, осуждение культа личности, отдельные наши трудности и ошибки. Сейчас они усиленно атакуют материалистическую биологию нашей страны – мичуринскую генетику, обливая ее грязью и особенно руководителя этого направления академика Т.Д.Лысенко» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 52 Л. 85). И, как И.Е. Глущенко, «партийные товарищи» выступают с просьбой к властным структурам «обратить внимание на существо борьбы, развернувшейся в биологической науке» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д.52. Л. 92).

По сути, обращения лысенковцев к высшим руководителям СССР преследовали цель настроить их на повторение «августа 1948 г.» Однако они не увенчались успехом. Конечно, советские лидеры «эпохи Хрущева» благожелательно относились к деятельности Лысенко, обещавшего сельскохозяйственное изобилие в недалеком будущем. Вместе с тем они в отличие от своих предшественников не склонны были разрешать накопившиеся в сельскохозяйственной науке противоречия прямым государственным вмешательством.

Таким образом, письма ученых советским лидерам свидетельствовали о глубоком разломе в биологии и сельскохозяйственной науке. Этот разлом проявился, в частности, в отрицательных личностных оценках оппонентов. Академик ВАСХНИЛ М.А.Лисавенко, создатель многих сортов садовых культур, писал о том, что «генетики на каждом этапе считали себя непогрешимыми учеными, а инакомыслящих – работающих на земле – невеждами» (см. [Рычков, 2003, с.22]). Подобные оценки вряд ли были оправданны, поскольку многие добросовестные ученые-практики, не вникавшие в суть разногласий, поддерживали группу Лысенко, считая ее деятельность более приближенной к практическим запросам сельскохозяйственной отрасли. «Культурники находятся ближе ко всем идеям Лысенко» – это слова профессора Е.Н. Синской, одной из сотрудниц Н.И. Вавилова во Всесоюзном институте растениеводства, добросовестного учёного, автора многих работ по ботанике (см. [Левина, 1991, с. 234]). Любопытно, что в историко-научной литературе упоминается о таких привлекательных чертах Т.Д. Лысенко, как отсутствие жадности к деньгам, желание помочь нуждающимся материально людям, отдается должное «изрядной смелости этого человека, его умению концентрировать силы, парировать выпады врагов, прекрасно говорить на публике, решать психологические задачи, выкарабкиваться из ловушек, вскакивать на ноги после падений [Сойфер, 2002, с. 623, 626].

Ответ сторонников Т.Д. Лысенко на критику со стороны генетиков имел симметричный характер, с той лишь разницей, что вместо личных уничижительных оценок они навешивали своим оппонентам политические ярлыки «реакционеров», находящихся на службе империализма.

Взаимное неприятие друг друга, как видно из писем, проявилось и в оценках научных результатов. Ни одни, ни другие не признавали научную правоту, даже в незначительной степени, своих оппонентов. Подобная ситуация не позволяла противоборствующим группам ученых достичь какого-либо компромисса и уменьшить остроту противостояния. И данное положение сохранялось. А если и признавались научные и практические достижения оппонентов, то в весьма своеобразной форме. Например, последователь Лысенко селекционер П.П. Лукьяненко, которого за рубежом некоторые исследователи считают творцом «советской зеленой революции» [Конашев, 2019, с. 638], добился успеха, по мнению научных противников, только потому, что «использовал многие приемы классической генетики» [Сойфер, 2002, с. 661].

В борьбе против Лысенко советские генетики стремились опереться на помощь западных ученых. Однако в условиях холодной войны данная тактика не могла не привести к обратному результату, как это произошло в первые послевоенные годы [Кременцов, 1996, с. 25–41]. Оказались неудачными и попытки привлечь властные структуры на свою сторону ссылками на общественное мнение за рубежом и в «письмах во власть» середины 1950-х гг. Показательно, что уже в наши годы обострение конкурентной борьбы в мире приводит к аналогичным последствиям. В опубликованной в 2014 г. при государственной финансовой поддержке книге учено-

го-овощевода П.Ф. Кононова речь идет, как указано в аннотации, «о подрывной деятельности в биологии, генетике, сельском хозяйстве страны национал-предателей и агентов враждебных России глобалистских структур», с одной стороны, и «о борьбе ученых-патриотов против лже-наук, шарлатанства, групповщины, за укрепление экономической и продовольственной безопасности государства» – с другой [Кононов, 2014, с. 2]. «Национал-предателями» автор считает советских генетиков, а «учеными-патриотами» – их научных оппонентов.

Как видим, история советской биологической и сельскохозяйственной науки не теряет своей актуальности. Известный историк науки Э.И. Колчинский призвал коллег продолжить исследования: «В науке, в том числе и в ее истории, нет и никогда не будет окончательно решенных вопросов. Многие из них неизбежно всплывают вновь и вновь в свете новых открытий, а также забытых, но воскрешенных ныне факторов из истории биологии» [Колчинский, 2015, с. 274].

Таким образом, развитие биологической и сельскохозяйственной науки в 1950-е гг. осложнялось острым противоборством ученых – сторонников классической генетики и их оппонентов, отстаивающих идею определяющего влияния внешней среды на формирование наследственности. Отраженная в «письмах во власть» культура научного общения, основанная на неприятии аргументов друг друга, не способствовала разрешению острых противоречий в науке. Обращение к авторитету мировой науки в условиях холодной войны усугубило ситуацию.

В середине 1960-х гг. генетика была восстановлена в правах в качестве теоретической основы практической селекции. Однако процесс «выздоровления» науки носил весьма противоречивый характер. С одной стороны, возросла роль научной общественности в разрешении организационно-научных проблем, на что указывали в «письмах во власть» ученые. С другой стороны, «выздоровление» вновь разделило научное сообщество на «победителей» и «проигравших». «Проигравшими» на этот раз оказались сторонники Т.Д. Лысенко, которые в отличие от своих оппонентов все-таки сохранили в основном свои рабочие места. В научной среде также сохранялась инерция прежних традиций научного общения.

Список источников

- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп.17. Д. 418, 419, 463, 464, 515, 516; Оп.35. Д. 16, 33, 52; Оп. 45. Д. 34.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 133. Д. 233; Оп.138. Д. 446, 451.
- Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 13.
- В Президиум ЦК КПСС. Письмо 1955 года //Правда.1989.13 янв.
- Вавилов Н.И. «Жизнь коротка, надо спешить». М.: Сов. Россия, 1990. 704 с. (Публицистика классиков отечественной науки).
- Дубинин Н.П. Вечное движение. М.: Политиздат, 1989. 448 с.
- Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. 383с.
- Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 442 с.
- Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Моск. рабочий, 1989. 416 с.
- Любищев А.А. В защиту науки: Статьи и письма. Л.: Наука, 1991. 295 с.
- О положении в биологической науке: Стеногр. отчет сессии Всесоюз. академии сельхоз. наук им. В.И. Ленина 31 июля – 7 августа 1948 г. М.: Сельхозгиз, 1948. 536 с.

Библиографический список

- Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- Жимулев И.Ф., Дубинина Л.Г. Новое о «письме трехсот» – массовом протесте советских ученых против лысенковщины в 1955 г.// Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9, № 1. С. 13–33.
- Козлов С.А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX вв.: Историко-биографические очерки. М.: Полит. энциклопедия, 2019. 967 с.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2006. 638 с.

Колчинский Э.И. Н.И. Вавилова распинаят вновь: Некоторые соображения о книге П.Ф. Кононкова «Два мира – две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России в советский и постсоветский период» // Полит. концептология. 2015. № 1. С. 272–281.

Конашев М.Б. Лысенко вблизи, но издали, или взгляд на лысенкоизм из XXI века // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, №6. С. 637–645.

Кононков П.Ф. Два мира – две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в советский и постсоветский период. М.: ООО «Луч», 2014. 288 с.

Кременцов Н.Л. «Американская помощь» в советской генетике. 1945–1947 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. №3. С. 25–41.

Левина Е.С. Трагедия Вавилова // Репрессированная наука / ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 223–239.

Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.

Рычков А.В. Причины возникновения лысенковщины: историко-научные аспекты // Омский научный вестник. 2003. № 2. С. 20–23.

Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири): Монография: в 2 ч. Ч.1: Поздний сталинизм (1946 – март 1953 г.). Омск: СибАДИ, 2001. 224 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука (История разгрома коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЧеРо, 2002. 691 с.

Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 464 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.05.2020

“I APPEAL JUST TO YOU WITH MY PAIN”: STRUGGLE IN SOVIET BIOLOGICAL AND AGRICULTURAL SCIENCE IN LETTERS OF SCIENTISTS TO SOVIET LEADERS IN THE 1950s

A. V. Rychkov

Omsk State Technical University, 11, Mira av., 644050, Omsk, Russia

alex-rychkov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0754-5105

ResearcherID: P-1141-2017

Scopus Author: 57195673648

The struggle in Soviet biological and agricultural science is examined through the prism of letters of scientists to Soviet leaders in the 1950s. Scientists' "letters to power" were an important form of struggle of the scientific community to normalize the situation in the agrarian and scientific sphere under conditions of total party-state control. Considering science to be the most important element of the USSR's international prestige, scientists who advocated classical genetics considered it necessary to rid biological and agricultural science of external "imperious" influences on the sphere of scientific knowledge. Moreover, some suggested the active use of party-state structures, not excluding law enforcement agencies, against their scientific opponents. Others believed that the shortcomings of the organization of Soviet science could only be eradicated by the scientists themselves, provided that the scientific community was widely involved in identifying the most important scientific areas through free creative discussions. With all the disagreements, the appeals of scientists to Soviet leaders, the author concludes, contributed to a change in public sentiment in favor of genetics. On the contrary, the supporters of Trofim Lysenko by their "letters to power" pursued the goal of maintaining his dominant position in science. Transferring scientific problems to the political plane, they called on Soviet leaders to resolve the contradictions accumulated in the agrarian-scientific sphere by the methods of party-state influence. The rejection of each other's arguments by the scientific opponents did not allow them to reduce the severity of confrontation in biological and agricultural science and did not contribute to scientific research. The appeal of geneticists to the authority of world science in the context of the Cold War further aggravated the situation in the scientific community, since in the opposite camp, this phenomenon was assessed as ideological sabotage. The inertia of such traditions of scientific communication persisted for a long time.

Key words: Soviet leaders, “letters to power”, biological science, agricultural science, Lysenkoism, agriculture, bureaucratization, the USSR.

References

- Grekhem, L.R. (1991), *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze: Per. s angl.* [Natural science, philosophy and sciences of human behavior in the Soviet Union], Politizdat, Moscow, Russia, 480 p.
- Kolchinskiy, E.I. (2006), *Biologiya Germanii i Rossii-SSSR v usloviyakh sotsial'no-politicheskikh krizisov pervoi poloviny XX veka (mezhdru liberalizmom, kommunizmom i natsional-sotsializmom)* [Biology of Germany and Russia-USSR in the conditions of socio-political crises of the first half of the twentieth century (between liberalism, communism and national socialism)], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, 638 p.
- Kolchinskiy, E.I. (2015), “N.I. Vavilov is crucified again: Some considerations about the book by P.F. Kononkova "Two Worlds - Two Ideologies: On the Situation in Biological and Agricultural Sciences in Russia in the Soviet and Post-Soviet Periods"”, *Politicheskaya kontseptologiya*, № 1, pp. 272–281.
- Konashev, M.B. (2019), “Lysenko up close, but from a distance, or a look at Lysenkoism from the 21st century”, *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*, Vol. 89, № 6, pp. 637–645.
- Kononkov, P.F. (2014), *Dva mira – dve ideologii. O polozhenii v biologicheskikh i sel'skokhozyaistvennykh naukakh v sovetskiy i postsovetskiy period* [Two worlds - two ideologies. On the situation in biological and agricultural sciences in the Soviet and post-Soviet period], «Luch», Moscow, Russia, 288 p.
- Kozlov, S.A. (2019), *Rossiyskie uchenye – agrarniki XIX – nachala XX vv.: Istoriko-biograficheskie ocherki* [Russian scientists - agrarians of the 19th – early 20th centuries: Historical and biographical sketches], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 967 p.
- Krementsov, N.L. (1996), ““American aid” in Soviet genetics. 1945-1947”, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, № 3, pp. 25–41.
- Levina, E.S. (1991), “Vavilov's tragedy”, in Yaroshevskiy, M.G. (ed.), *Repressirovannaya nauka* [Repressed science], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 223–239.
- Rusina, Yu.A. (2015), *Istchnikovedenie noveyshey istorii Rossii* [Source study of the modern history of Russia], Izd-vo Ural.un-ta, Yekaterinburg, Russia, 236 p.
- Rychkov, A.V. (2003), “The causes of Lysenkoism: historical and scientific aspects”, *Omskiy nauchnyy vestnik*, № 2, pp. 20–23.
- Shnol', S.E. (1997), *Geroi i zlodei rossiyskoy nauki* [Heroes and villains of Russian science], KRON-PRESS, Moscow, Russia, 464 p.
- Sizov, S.G. (2001), *Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946-1964 gg. (Na materialakh Zapadnoy Sibiri): Monografiya. V 2-kh ch. Ch.1. «Pozdnyy stalinizm» (1946 – mart 1953 gg.)* [The intelligentsia and power in Soviet society in 1946-1964. (Based on materials from Western Siberia): Monograph: in 2 parts, Part 1. Late Stalinism (1946 – March 1953)], SibADI, Omsk, Russia, 224 p.
- Soyfer, V.N. (2002), *Vlast' i nauka (Istoriya razgroma kommunistami genetiki v SSSR)* [Power and Science (History of the Communist Defeat of Genetics in the USSR)], CHeRo, Moscow, Russia, 691 p.
- Zhimulev, I.F. & L.G. Dubinina (2005), “New about the "letter of three hundred" - a mass protest of Soviet scientists against the Lysenkoism in 1955”, *Vestnik VOGiS*, Vol. 9, № 1, pp.13–33.